

Дмитрий Бирман

Ежедневник

ДЕКОМ

Нижний Новгород

*Ирочке Бирман
посвящается*

ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Б-54

Б-54 ДМИТРИЙ БИРМАН. Ежедневник. *Стихи*. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2013. – 128 с.

ISBN 978-5-89533-299-3

В новую книгу Дмитрия Бирмана «Ежедневник» вошли стихи, созданные в разные годы, объединенные единой эмоциональной направленностью. Главный герой книги – современный человек, его душевные поиски и любовь, во всех её проявлениях...

ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-89533-299-3

© Д. Бирман, автор, 2013
© Издательство ДЕКОМ, оформление, 2013

Душеполезная стихотерапия

по Дмитрию Бирману

Еще в середине XVII века основоположник восточнославянской поэзии, просветитель, философ и педагог Симеон Полоцкий (1629, Полоцк – 1680, Москва) был убежден, что долг просвещенного человека, кем бы он ни был – государственным деятелем или священником, учителем-дидактиком или даже правителем – внедрять поэзию в повседневный быт жителей Московского государства.

С его легкой руки в светёлках московских царевен, многочисленных дочерей царя Алексея Михайловича, рядом с голландскими гравюрами на библейские темы и старинными фамильными иконами появились фигурные стихи в форме креста или сердца, написанные каллиграфическим почерком учёного старца Симеона. Ненапрасно он *«вкусил наук душеполезных»* в Киево-Могиланской коллегии и Виленской иезуитской академии! Именно благодаря учёности и умению слагать вирши, пришедшиеся по душе русскому царю, скромный иеромонах в 1664 году (через полгода после переезда в Москву из древнего купеческого града Полоцка) получил высокую должность учителя царских детей.

Старательные ученики полоцкого иеромонаха царевич Федор и царевна Софья под его влиянием писали царственным родителям по всякому поводу торжественные приветствия-поздравления новомодными силлабическими виршами.

Почему же Дмитрий Бирман – успешный и независимый человек – сегодня, спустя три с половиной столе-

тия, предпочитает говорить со своими современниками
СТИХАМИ?

Наверное, потому же, что и Симеон Полоцкий: он верит, что СЛОВОМ можно изменить мир: сделать его добрее, честнее, уютнее, гармоничнее, наконец.

Учёный старец Симеон любил сравнивать писателя-философа с врачом. Сегодня врачующая терапевтическая суть волшебной сказки фактически доказана: активно действует Международная ассоциация сказкотерапевтов.

Пора признать и лечебные возможности традиционных романтических стихов, защищающих Добро и Красоту, Любовь и душу человеческую в эпоху экологических катастроф и триумфа информационных нанотехнологий. Неслучайно именно на поэзию интуитивно опирается почти каждое юное существо, болезненно переживая эпоху первой в жизни влюбленности и находясь нередко на опасной грани самоуничтожения.

Еще академик Дмитрий Сергеевич Лихачев в свое время заговорил об *«экологии души»*. В последние годы этот предложенный ленинградским ученым удачный термин исчез со страниц чуткой к интересам массового читателя прессы. Романтическая поэзия необходима для *«экологии души»* любого россиянина как живая вода смертельно раненому сказочному богатырю. Потому столь естественно появление в стихах Дмитрия Бирмана такого образа, как *«мечты хрустальный кубок»*.

Не так давно редакция журнала *«Знамя»* выпустила спецномер, поставив в центр тему любви в современной литературе, объясняя это дефицитом хороших текстов о любви.

Будто отвечая столичным законодателям литературных мод, Дмитрий Бирман посвящает этой нестареющей теме новую книгу *«Ежедневник»*. Любовь в ней становится

главной героиней, предметом постоянных авторских раздумий, напряженной рефлексии и неустанного исследования собственных меняющихся душевных состояний, ею вызванных и спровоцированных.

«Поэзия – это езда в неизвестное» – ёмкая афористичная формула Владимира Владимировича Маяковского, судя по всему, вполне созвучна творческой позиции Дмитрия Петровича Бирмана.

Представленные в этой книге стихотворные тексты нередко эвристичны. Автор избегает готовых схем и проторенных дорог, пытаясь понять, что происходит с душой влюбленного или разочарованного человека.

Он исследует в стихах душевный мир – собственный и своих современников, показывая, как перенасыщенное техническими новшествами современное городское пространство с его искушениями, тревогами и неожиданностями меняет каждого из нас.

Потому так часто в стихах Дмитрия Бирмана возникает решительно оттесняемое сегодня за церковную ограду, столь высоко ценимое в XIX столетии слово «душа» («душу украли воры», «у тебя же – светлая душа», «на душе – обычная тоска»).

Дмитрий Бирман стремится вести независимый диалог с Богом, Создателем, существование которого не вызывает у него сомнения в наш циничный век, когда атеизм (а порой и откровенный сатанизм) нередко получает мощную информационную и международную поддержку на весьма солидном уровне.

При помощи точно найденной детали – пластичного описания звуков («а за окном – кричат, поют, смеются», «вот за окном – весенний шум», «в бесконечно звенящей тиши», «изливается блюзом над ухом труба»), острых запоминающихся запахов («как вкусно пахнет дождь»,

«пот – на подушке»), стремительно меняющегося цвета («по белому полю – красные кони», «чёрно-белое марево», «солнце, словно рыжая девчонка», «ресницы моря – в зелёной туши») – Дмитрий Бирман создаёт трепетную, живую картинку окружающей реальности: её каждый из нас может увидеть в собственном доме или из своего окна.

...«Быть может, есть еще любовь?» – ответ на этот вопрос продолжает искать отечественная поэзия и в XXI веке.

«Ежедневник» Дмитрия Бирмана открывает нам, что только любви дана волшебная способность студёную зиму в твоей душе в одно мгновение превращать в солнечное лето.

Еще одна сильная сторона этой поэтической книги – ее лирический герой помогает нам, читателям, поверить, что воспетая Гомером и Шекспиром, счастливая взаимная любовь встречается и в наши дни.

Ведь, как убедился на собственном опыте Дмитрий Бирман, «сердце бережно хранит // любви укол...». А, значит, любовь, как и стихи о ней, – замечательное лекарство от отупения и равнодушия.

*Лола Звонарева,
доктор исторических наук,
секретарь Союза писателей Москвы*

Январь

Я утром посмотрел в окно.
Туманно, пасмурно, светает,
обрывки снов как дымка тают,
фонарь горит — ему темно...
По улице идут в пальто
надежды, радости и беды,
а я веду с тобой беседы,
все разбираюсь, кто есть кто...
Ты отвечаешь мне опять,
что ждешь со мной сегодня встречи,
что этот день и этот вечер,
ты будешь думать, будешь ждать...
Я ж, в ожиданьи суеты,
смотрю в окно еще мгновенье,
там на костре из вдохновенья
сгораю я, сгораешь ты...

Зимний сон, снежный сон,
снова в белой канители
закружат опять метели,
вьюги песням в унисон.

Снежный сон, зимний сон,
в ожидании разлуки
почему-то ломит руки
пианисту всех времен.

Зимний сон, снежный сон,
он качает в колыбели
тех, кто к Богу улетели,
нам оставив тихий стон.

Снежный сон, зимний сон,
в черно-белом одеяньи
образам из подсознанья
путь к сознанию занесен.

Собаки лаяли всю ночь,
а утром каркала ворона,
соседка верещит на дочь,
забыв, что жарит макароны...

Нет перемен за сотню лет,
и жизнь, как будто издеваясь,
нам крутит вновь один сюжет,
а мы все смотрим, сомневаясь...

А мы все держим оборону,
не замечая в вечной драке,
как утром каркала ворона,
а ночью лаяли собаки...

В день одиночества шел снег,
бесперестанно,
кружила голову веселая метель,
крутилась лихо жизни карусель,
все продолжалось, как и раньше.
Очень странно...

Неделя одиночества, как сон,
в котором я один плыву по морю,
кричат дельфины, я их раззадорил,
и не звонит забытый телефон...

Что месяц одиночества для нас!
Спокойней просто сердце стало биться
и тишиной умыться, и напиться
возможно стало сколько хочешь раз...

Год одиночества, как первый год любви,
нет трепету и нежности предела,
вот разве что угроза предела
не вызывает холодок в груди...

Жизнь в одиночестве, наверное,
как смерть,
красива, холодна и безответна...
О, снег прошел! Хорошая примета,
раскрыть окошки, двери отпереть.

Последний герой
в каждом времени свой,
последний приют — как грех,
последний ответ
для желтых газет,
последнему — радостный смех.

Последний вокзал
в тупике застрял,
последний вагон — в пути,
последний причал
всех в лодке качал,
последний — успел уйти.

Последний вопрос
избавит от грез,
последний шанс — как успех,
последний поэт
забыт и допет.
Последний — терпит за всех.

Я, посетитель кладбищ и чистилищ,
открытый солнцу, ветру и дождям,
как сторож разворованных хранилищ,
как снайпер, что стреляет по вождям,
как циник, рассуждающий о чуде,
как мрачно-раздраженный оптимист,
как безразлично-равнодушный к людям,
как любящий людей большой артист,
иду по миру и несу вам Слово.
А надо ли, не надо, кто поймет?!
Но, воздух рассекая до основы,
корабль любви неведомой плывет.

Мой привет получите бутылочной почтой.
Через год, через десять,
а может быть, в следующем веке.
То ли крик в темноте непроглядно полночной.
То ли это застыла душа навсегда в человеке.

Мое слово дойдет,
пусть не рано, а поздно,
и, быть может, избавит кого-то от боли.
В тишине, далеко, улыбнутся холодные звезды
и подарят кому-то, быть может,
счастливую долю.

За мои прегрешенья пускай не ответит мой правнук,
я и сам заплачу за себя
самой звонкой монетой,
и хотя, невозможно с судьбой быть, конечно, на равных,
я надеюсь, дурак,
все надеюсь, надеюсь на это!

Февраль

Я утром посмотрел в окно.
Сегодня нет на солнце пятен,
день будет легок и приятен,
как будто старое вино.

Я ночью жду тебя опять,
во сне любить меня ты будешь,
а на заре про все забудешь
и станешь снова ускользать...

В смешном изгибе линии судьбы,
в трагичном сочетании обстоятельств,
из дружб и встреч, любви, разлук, предательств
рождаешься и существуешь ты.

Горит огонь. Опять горят цветы,
их шапки красные, как маяки удачи,
из глупости, смекалки, смеха, плача
рождаешься и существуешь ты.

К мечтам и снам построены мосты,
под ними реки долгих лет и счастья,
из шторма, штиля, солнца и ненастья
рождаешься и существуешь ты!

Все думаем, что вечны, и поэтому
живем, себя растрчивая попусту.
Не стали ни певцами, ни поэтами,
крутили без продыха жизни лопасти.

Смеялись до икоты, громко плакали,
ругались так, что дребезжали стекла,
и водку стаканами дружно жажали,
и жизнь казалась яркой, а не блеклой.

Любили женщин до самозабвения,
но женам никогда не изменяли...
Ну, разве что с учительницей пения,
которой в школе так надоедали!

Отдали детям душу всю с желанием
не повторять ошибок, нами сделанных,
учили, что любовь и сострадание
в нас разделяют черное и белое.

Все думаем, что вечны, но прощаемся
давно уже с друзьями-одногодками,
уходим, — это значит возвращаемся,
но более уверенной походкой!

Когда еще все были живы,
я беззаботен был и весел,
с улыбкой напевал мотивы
теперь уже забытых песен.

Когда еще все были рядом,
я правил бал, а в тронном зале
сменялись, веселясь, наряды
и стулья за столом стояли.

Когда еще все всех любили,
я был доверчив, простодушен
и за рулем в автомобиле
я подвозил до рая души.

Когда еще все были рады
и ждали жизни беззаботной,
я был волшебником и магом
и радость всем дарил охотно.

Когда еще все были живы
и, мне казалось, безупречны,
добры и молоды, красивы
на фоне жизни бесконечной,

тогда, когда все были живы...
тогда, когда все были рядом...
тогда, когда все всех любили...
тогда, когда все были рады...

Из ниоткуда в никуда
всегда тяжелая дорога,
но привыкаю понемногу,
года, наверное, года...

Житейский опыт, пустозвон,
бьет в тишине по барабанам,
а я зализываю раны
под тихий колокольный звон.

В объятьях нежность и покой,
и легкий запах той измены,
что строит между нами стену
и разрушает нас с тобой.

И снова мечется тогда
душа беспомощным котенком,
опять становишься ребенком,
года, наверное, года...

Каждый сам найдёт свою Голгофу
и того, кто в сердце сталь вонзит,
по мосту, от радости до вздохов,
жизнь в одно мгновенье пролетит.

В небе эйфория от салютов,
на душе обычная тоска,
вроде и одеты, и обуты,
только боль стучится у виска.

У волос седые разногласья,
а вокруг сплошная пустота,
и в капкане под названием «счастье»
бьётся приземлённая мечта.

Выжимаю по капле раба
из себя
и сумятицу дней
я давно оседлал,
изливается блюзом над ухом труба,
и за ангелом
кто-то кого-то послал.
Подбоченясь,
торговка-судьба ворожит,
и дороге не видно начала-конца,
я не вечный,
но все же потомственный Жид,
отвыкаю
от свиста петли и свинца,
но ломает суставы
законченный век,
отправляя составы
опять в никуда,
кто-то гордо кричит:
«Человек! Человек!»
Ветер рвет и уносит пустые слова.

Рифмы нет,
а в сплетении солнца и тьмы
по стене светотень
и в душе светотень,
как в пословице той,
от сумы и тюрьмы
ночь уйти не даёт
в наступающий день...

Mapm

Я утром посмотрел в окно.
Там солнце светит обреченно,
зима, по сути, незаконно
ткет снова снега полотно.

Мы ждем волненья и капли,
обычный в марте вой котов,
а тут опять метут метели...
И грипп — проклятье докторов.

Весна про первенца забыла,
и март стал серым и пустым,
а мы к нему копили силы,
чтоб снова ярким был интим...

Зима, вполне определенно,
украли месяц у весны,
зато какие снятся сны...
по сути, тоже незаконно.

В больнице ночь — без мыслей и без сна,
в тиши пугающие шорохи и скрипы,
глаза открыты, двери не закрыты
и зубы сжаты, аж кровит десна.

В больничной тишине таится страх,
есть шанс вполне уснуть и не проснуться,
а за окном кричат, поют, смеются,
и слезы выступают на глазах.

В палате обреченность и уют,
в надежде, что соседу станет хуже,
я жду добавку в аскетичный ужин
и весь трясусь — дадут иль не дадут?

В больничных коридорах давка в морг,
у каждого, по времени, свой номер,
здесь говорят не «умер»: просто «помер»,
хотя за жизнь вполне уместен торг.

В больнице ночь — расплата за грехи,
и я, свернувшись в позе эмбриона,
ликую: «Это лучше же, чем “зона”!»
и всем назло опять пишу стихи.

Безночные сны, как бессонные ночи,
пусты и тревожны,
в них двери закрыты, и плакать хочется
надрывно, но осторожно.

Безночные сны бесконечно-тоскливы,
пот на подушке,
в них тихая флейта играет мотивы,
царапая душу.

Безночные сны повтореньем пугают,
как выстрелы,
и мысли в них легко умирают,
давно уже вызрели.

Безночные сны – черно-белое марево
дрожи и страхов,
в них нету спасенья от вечного варева
«охов» и «ахов».

Безночные сны, как бессонные ночи...

Ходили тени под окнами,
шептала тень что-то на ухо,
хотели тени по-доброму,
а получилось наглухо.

Бежали тени крылатые,
летела тень длинноногая,
становятся тени горбатыми,
когда их накопится много.

Спешили тени быть засветло,
включала тень электричество,
ложились все тени набело
и цвет глушили количеством.

Играли тени днем в зайчиков,
а вечером я их вычислил,
пока в зеркалах маячили,
я свет поскорее выключил!

Контуры окна видны нечетко,
и глаза мне тяжело открыть,
солнце, словно рыжая девчонка,
продолжает прыгать и шалить.

Ну, а я, заснув после обеда,
снова видел сказочные сны,
миновали в них меня все беды,
кто ушел — добрался до весны,
кто предал — наказан по заслугам,
кто помог — и счастлив, и богат,
кто бежал по замкнутому кругу —
смог вернуться без потерь назад.

Веселился я и бил чечетку,
но порвал невидимую нить...
Контуры окна видны нечетко,
и глаза мне тяжело открыть.

Я скользил по паркету зеркальному
с тенью,
я по воздуху плыл нереально,
по хотению.
В гулком зале светились портреты,
глаза их смеялись,
я опять перепрыгнул запреты,
не дождались?!
Легкий шелк предчувствия кожи,
как тайна.
смотрят танец, заполнены ложи,
так реально...
Я ликую, кружу, обнимаю,
в ритме вальса,
об одном в этот миг мечтаю:
тьень, останься!
Липкий пот. Предрассветной спазмой
сжато горло.
Я всего на шаг от маразма,
так приперло.
Я хватаю, а тень ускользает,
спросонья,
зал хохочет, зал рыдает.
Какофония...

Я скользил по краю сознания
бессознательно,
я сумел обмануть все желания.
З а м е ч а т е л ь н о !

Бессонница выкручивает ноги
и кисти рук,
опять проснулись странные тревоги,
боязнь разлук.
И за окном какой-то странный звук...

Бессонница нас делает слабее
и беззащитней.
Опять за дверью алчущие звери
всё шепчут: «Спи!»
мне.
И за окном тот звук
все заунывней...

Бессонница уходит вдруг, внезапно,
как и приходит.
Уже я слышу готовят завтрак,
а на ладони
прочерчен путь в другое завтра...

И даже на больничной койке,
в аду температурном,
тебе пишу я эти строки
под музыку ноктюрна.

По радио сплошное ретро,
как и в больнице,
пытаюсь вспомнить я все моменты,
чтоб зацепиться...

Вот ты смеешься, да ты – всех лучше!
Я замираю,
когда идешь ты, ну, как Белуччи,
слегка играя.

Тебя я вижу, тебе я верю,
все будет классно,
забуду боль я и все потери...
И жизнь прекрасна!

С чистого листа начну я завтра!
Вырву из души печаль и слезы!
Автор все же я или не автор
текстов, что шептали нам березы?

Песен, что нам пел свободный ветер,
музыки дождей и снегопадов,
сказок в неухавшей карете
и несостоявшихся парадов?

Изменяю привычки и желанья,
стану бегать по утрам по кругу,
вдруг поверю искренним признаньям
и опять открою душу другу.

Закружу по марту с малолеткой,
не пойду неделю на работу,
перестану на ночь пить таблетки,
чтобы днем не задушить кого-то!

Улыбнется ласково удача,
снова ляжет так, как надо, карта.
Запоздало где-то ты заплачешь...
С чистого листа начну я завтра!

Апрель

Я утром посмотрел в окно:
весна открыла душу лету,
апрель смеется над приметой,
что переменчив он давно.

Трава зеленая шуршит
твоими легкими шагами,
и солнце разжигает пламя
увавшей за зиму души.

Вот теплый ветер нежных слов
слегка колышет занавески,
к тебе уносит арабески
моих желаний, мыслей, снов...

Весна беременна стихами
и легкой музыкой любви,
мы от зимы уберегли
то, что немногие смогли,
то, что не выразить словами.

Весна полна тревожных снов
на ломкой грани полнолуния,
когда от радости безумья
спасают вечные раздумья
о сладкой магии стихов.

Весна играет в колдовство,
тасуя солнце, дождь, снежинки,
меня за окном картинки,
а наши чувства-невидимки
день завершат тревожным сном.

Весна беременна стихами...

Ищу тоски похмельные объятья
и сон гоню, надеясь на печаль,
то говорю: «Все люди — это братья!»,
то посылаю их скорее вдаль!

Весна рисует новую картину
в надежде снова выстрелить в упор,
я жду страстей, замерзших в эту зиму,
и раздуваю тлеющий костер.

Весна стирает рифму, передернув
мой с Богом добровольный договор,
и грязный снег топчу я так проворно,
что вслед кричат: «Держите! Это вор!»

А я спешу вдохнуть начало жизни,
закрыть глаза и унести в полет,
шепнуть судьбе, податливо-капризной:
«Пусть все проходит, но не все пройдет!»

Лоза, слегка коснувшись солнца,
нальется спелой силой ягод.
Любовь нечаянно вернется,
ты снова засыпаешь рядом.

Я откровения заброшу,
я буду светлым и веселым
тащить присуженную ношу
меж синагог, церквей, костелов,
меж небом и землей, вдыхая
тебя как порошок видений...

А ты спокойно засыпаешь,
опять не ведая сомнений.

Весна, бессонница, копанье
в своем уже вчерашнем дне
и в закоулках подсознания,
в забытой папке с грифом «Знание»
вся правда. Честно о себе
не каждый может даже думать,
а в суете дурацких дел
лишь в ночь, когда полнеют луны,
в душе бывает передел.
В ней ложь тогда сменяет правда,
а может быть, наоборот,
и нам достанется награда,
которой точно будем рады,
когда она нас всех найдет
там, где до нынешней субботы
закрытым был молельный дом,
и вдруг такие повороты,
что стали Божьими заботы
о нас. А мы куда идем?

Весна, распутица, давленье,
и к рюмке тянется рука,
но у порога избавленье,
а за порогом обновленье.
И жизнь легка. Да...
жизнь легка...

Я ехал по дороге детства
и улыбался.
Ушла тревога, запело сердце,
и я попался...

На смех и слезы, на бодрость утром
и на варенье,
на звезды, вздохи и ту, которой
стихотворенья.

Я помню эти дома большими,
а в том подъезде,
зимой мы грелись и целовались,
и пели песни.

Как много солнца! Прозрачен воздух,
и дышит небо,
знакомы лица у всех прохожих,
и пахнет хлебом.

Все снова живы, опять мы вместе,
и слава Богу,
что сны нас как-то приводят в детство,
на ту дорогу!

А вам знакомы отупение
и грезы раннею весной,
когда от женщин слабнет зрение
и часто ходишь сам не свой?

Когда вдруг стало очень грустно,
вдруг без причины громкий смех,
вдруг письменно, а чаще устно
послать подальше хочешь всех?

Когда сидишь на витамине,
когда с утра вставать невмочь,
когда завидуешь скотине,
что в стойле спит и день и ночь?

Так вам знакомо отупение?
Оно – расплата за грехи.
Пора бороться с обострением!
Пора читать мои стихи!

Mañ

Я утром посмотрел в окно:
смеется солнце переменам,
мне удалось разрушить стену,
на волю выйти, как в кино.
А думал-то, что не дано...

В ином развитии судьбы,
где Божий промысел угоден,
я снова молод и свободен,
километровые столбы
я отмеряю, хоть бы хны!

Вот за окном весенний шум
и птицы радостно щебечут,
икру впустую кто-то мечет,
я не возьмусь уже за ум.

Я просто буду пьян и юн,
чтоб утром посмотреть в окно,
на волю выйти, как в кино.
А думал-то, что не дано!

Я вновь сжимаю пустоту
в попытке звездный свет зажечь,
вот кто-то тянется к кресту,
поняв, что ложь разъела речь.

Я растираю в пыль песок,
чтобы не стерлись ноги тех,
кто был вчера на волосок,
сегодня празднуя успех.

Я небо сделаю водой,
а воду в небо превращу,
назначу встречу нам с тобой,
я так давно тебя ищу...

Я — между небом и водой,
песчинки растирая в пыль,
опять играю с пустотой
и превращаю в сказку быль.

Чашка чаю, чашка чаю:
сахар — ты, а я — вода.
Вот сижу, ногой качаю,
ложечкой туда — сюда.

Губы вытянуты жадно,
втянут сладостный нектар,
мне комфортно, мне приятно,
пышет жаром самовар.

Вот, казалось, незадача,
полон стол, но нет гостей,
и потею я до плача, —
растворяйся поскорей!

В тихой нежности посланий,
в мягком шепоте любви,
сбросив грусть своих страданий,
ты ко мне скорей приди.

Чашка чаю, чашка чаю,
сахар — ты, а я — вода,
я тебя опять прощаю,
ты простишь меня всегда!

Я берега судьбы твоей
укрою белым покрывалом,
метелью снежных февралей
и без конца, и без начала...
Я распишу узором грёз
твоей мечты хрустальный кубок,
и льдинки самых сладких слёз,
и замерзающие губы.
На небе смутных перемен
я напишу судьбы решенье,
чтоб без подлогов и подмен
вернулось к нам опять везенье!

Граница дня и ночи лжёт,
пугая призраками разум,
любовь придёт и не уйдёт...
Хотя так не было ни разу.

Кисть, холст поцеловав, уходит прочь
и снова прижимается к холсту,
а за окном филером дождь всю ночь
подглядывает, словно в пустоту...

Создатель водит легкою рукой,
руководит сгущеньем пустоты,
он превращает мысли в непокой
и обращает в образы мечты.

По белому полю — красные кони,
костер на снегу.
Кто сгинул в нелепой, безумной погоне,
сгорел на бегу?

Луна вдруг опухла, закрыла полнеба
лицом толстяка...
Что проигрыш значит, что значит победа?
Вопрос на века!

Вон звезды рассыпаны — искры сигары,
вокруг темнота.
Так кто же развел нас в пространстве по парам?
Зачем пустота?

Все шире улыбка рогатого зверя,
и псы у дверей...
Бегу, разрывая пространство и время.
Скорее! Скорей!

Дождь, и опять вода — спасенье
от мыслей, горестей и бед,
я снова Богу дал обет,
что будет вечно воскресенье,
хоть есть, конечно, опасенье,
его нарушу. Просто бред
пытаться душу мыть до блеска,
да и не нужно, может быть,
но очень хочется забыть
про в ад пришедшую повестку,
хоть есть, конечно, занавеска,
которой можно все закрыть.

И в темноте спокойной просто
забыть и отпустить грехи,
себе, любимому, стихи
сложить к далекому погосту,
хоть есть, конечно же, загвоздка:
соседи очень не тихи.

Соседи в стену бьют коленом,
хотят проверить, где же я,
и, очень тишину любя,
я им советую вскрыть вены,
хоть есть, конечно же, замена.
Пусть водку пьют. Но без меня.

Я пью небесную водицу,
и легче сразу же дышать,
и снова хочется бежать,
чтоб жизнью вдоволь насладиться,
хоть есть, конечно, небылица,
что лучше тихо подождать...

Как вкусно пахнет дождь:
и морем, и желаньем,
ушедшей тишиной,
несбывшейся мечтой.
Дождь дарит крепкий сон,
прозренье, пониманье,
дождь — это зыбкий мост
меж мною и тобой.
Дождь за твоим окном
узнает все секреты,
дождь за моим окном
расскажет обо всем,
уложен чемодан,
и куплены билеты
туда, где мы с тобой
останемся вдвоем.
Дождь смывает все следы
усталости и боли,
нашепчет нам слова
о солнечной любви,
усадит в поезд нас
до станции «Раздолье»,
умчит за горизонт,
на краешек земли.

Как вкусно пахнет дождь...

Июнь

Я утром посмотрел в окно —
там море!
И солнце радует давно,
а вскоре
обнимет ласково волна,
качая,
и жизнь становится полна
до края.
В другой стране чужой уют,
а стены
легко забудут и сотрут
измены...
Мечта о море за окном
банальна,
мы круглый год в зиме живем —
нормально!
А тут запахло вдруг дождем,
и, занавески
мы открывая, чуда ждем,
по-детски.
И утром я смотрю в окно,
мечтая,
как мы с тобой вдвоем идем
по краю
ушедшей в пену пузырьков
и в шепот
волны, что тысячу веков
все помнит...

Мне не дышится, не спится,
не живется без тебя,
только мысли, словно птицы,
мчатся в теплые края.

Там, на море-океане,
на песке и на волнах,
мы качаемся, и нами
не владеет больше страх.

Нет преград и нет условий,
нет неравенства в годах,
нет ни наций, ни сословий,
только дрожь любви в руках.

Только сбитое дыханье,
только ты и только я.
Бросим глупые метанья,
едем в теплые края!

Море растворит тоску-печаль
и раскроет мягкие объятия,
прочертив до смерти от зачатья
горизонта дымчатую даль.

Волны унесут меня туда,
где опять я счастлив, как когда-то,
пена скроет горестные даты,
поцелует в лоб меня судьба.

Блики отразятся в облаках,
крепко я усну под шум прибоя,
ну, а ночью ветер на просторе
покачает нежно на руках.

Море звезд подарит тишину,
бесконечность жизни и удачи...
Даже если тихо ты заплачешь,
то тебя я сразу обниму!

След на песке — остаток отраженья
твоей души,
и волны, в повторении движенья, шуршат.
Шуршит
песок, песчинки протирая,
который век,
и я бегу по пене края
закрытых век.
Ресницы моря в зеленой туши,
а в непокой
дельфиньим криком стремятся души,
одна к другой.
След на песке пропал, но снова,
в который раз,
мне дарит море свои оковы
зеленых глаз...

За горизонтом, я точно знаю,
есть та страна,
где ждешь меня ты, всегда
мечтая,
всегда одна.

Мы вдвоем на планете Любви,
солнце радости светит лишь нам.
В бухту счастья идут корабли,
поцелуи скользят по волнам.

В бесконечно-звонящей тиши
тихий шепот, ночной ветерок.
В закоулках застывшей души
мы даем от зарокров зарок.

Никогда не скажу никогда...
В легком шелесте снятых одежд
есть и правда, и жизнь, и судьба,
и предчувствие странных надежд.

Я, конечно, странный и плохой,
ты — чиста, умна и хороша,
безусловно, нелегко со мной,
у тебя же — светлая душа.

Мне, конечно, тяжело с тобой,
злюсь, ревную, но люблю тебя,
кажешься то близкой и родной,
то вдруг ускользаешь от меня.

Но с простой рифмованной строкой,
со следами алкогольных драм,
я бегу по снегу за тобой,
черту душу за тебя отдам!

Пустая вязь знакомых слов,
открытый взгляд пустых глазниц,
недоумение врагов
и рамки призрачных границ.

Распятый снова на кресте,
воскресший снова не дошел,
от вознесения к мечте
до краха — просто разговор.

Пустая вязь знакомых слов,
опять молчание в ответ,
и кто-то ко всему готов,
а кто-то вновь ответил «нет»
тому, кто тоже был распят
и душу продал за «пятак»,
любовь, забытую в гостях,
обычно покупают так...

Любовь, обычно, устает
от тех, придуманных оков,
к которым точно приведет
пустая вязь знакомых слов.

Urolo

Я утром посмотрел в окно:
в чужой стране другое солнце,
цветы на крошечном балконце
не пахнут, хоть цветут давно.

Красивая чужая речь,
чужие чистые постели,
а дома месяц — и метели
заставят нас камин разжечь.

Заставят в рюмочки разлить,
и, посмотрев в глаза друг другу,
мы скажем: «Наплевать на вьюгу!
Давайте лучше водку пить!»

Поющие фонтаны в Барселоне,
чарующая музыка любви,
вечерний город, словно на ладони,
далекие манящие огни...

Вон «мачо» дирижирует оркестром,
хотя оркестра нет, а «мачо» пьян,
и Бог давно слепил над этим местом
воздушный храм для верных христиан.

Чайковский — гений в голубой рубашке,
и недоступно строгий Ференц Лист...
Под брызги прогоняет наши страхи,
седой и мудрый Главный пианист.

Ладонью ветер ласково погладит,
и музыкой напиться, как водой,
она играет красками в фонтане,
а я парю над городом душой!

Париж увидеть, умереть,
воскреснуть и сомкнуть объятия,
волос бликующая медь,
невероятность воспринять
изгибов, линий, жестов, глаз,
луны, в окошко заглянувшей,
слов растворившийся запас
и опыт жизни всей минувшей,
что стала странной и чужой,
произошедшей не со мною.
И я отдам за шепот твой
все, что подарено судьбою.
И на рассвете поцелуй,
истома утренних желаний...

А душ смывает шумом струй
все, что случилось между нами.

Твоя кожа пахнет нежностью
и, как ни странно, чистотой,
бархатистой снежной свежестью
и несбывшейся мечтой.
Кто тут был — то мне неизвестно,
да и просто ни к чему,
и веду с тобой беседы я
про любовь и про войну.
Про далекое и близкое,
про умерших и живых,
а в ответ я вижу искорки
в сказочных глазах твоих.
Что и с кем когда-то прожито,
что обещано, кому,
то метелью запорошено
и забыто. Ни к чему.
Все приличия, условности,
как вчерашний анекдот,
привыкаю к невесомости,
к времени наоборот...

Луна была, как дура, полной,
я, как дурак, опять не спал
и мыслей круг неплодотворный
за часом час опять гонял.
То строил призрачные замки,
то деньги брался вдруг считать,
совсем забыв, что спозаранку,
не спавши, надо день начать...

Я ждал, что сон, с улыбкой друга,
обнимет и стакан нальет,
и мысли выгонит из круга,
гулять по небу уведет,
там звезды правду мне расскажут,
и силой там наполнюсь я,
там от всего всегда отмажут,
там можно все, что здесь нельзя...

Нет, не спалось. Какого черта?
Я выпил даже корвалол!
Мне громко пульс стучал в аорту,
и сон, увы, никак не шел.
А за окном, как по заказу,
горел фонарь, мерцал снежок,
и не мяукал кот, зараза,
который мне все нервы сжег...

А ты спала легко и тихо,
и улыбалась ты во сне,
и мир, с его неразберихой,
вдруг уместился весь в тебе.
На грудь ладонь мне положила,
и ангел что-то мне шепнул.
«Любовь – какая это сила!» —
услышал я, ну... и уснул...

Над временем и над пространством,
где нет ни власти, ни измены,
нет ни наркотиков, ни пьянства,
где невозможны перемены,
где бесконечность пьют как воду,
а вечность — пенсионный возраст,
где нет красавцев, нет уродов,
где все предельно очень просто,
там, где Создатель варит кашу
из звезд, комет, планет, галактик,
где нет чужих, где только наши,
где ни теорий нет, ни практик...
Там очень холодно и скучно.
И нам с тобой туда не надо.
Мы на Земле друг друга мучим,
и это — высшая награда!

Лето.
Жарко, скучно и тоскливо.
Город превращается в ловушку.
Девушки раздеты горделиво,
юноши под пиво бьют баклуши.

Юноши под пиво бьют баклуши,
девушки без пирсинга страдают,
милый Александр Сергеич Пушкин,
Вы такого точно не видали.

Милый Александр Сергеич Пушкин,
в Болдино — природа и просторы,
а в хрущевке, маленькой и душной,
о любви пустые разговоры.

О любви пустые разговоры
и цветы поникшие уныло.
Эх, рвануть бы в будущее «скорым»!
Лето.
Жарко, скучно и тоскливо...

Жара ломает кости и рассудок,
пощады просит и уходит в тень.
Ночь не дает прохлады, тяжек день,
сухие губы воду не находят,
рука лелеет солнечную лень.
Рука — слаба, глаза — полузакрыты,
набрякли веки, как бедой века,
и времени тяжелая река
уносит боль и мелкие обиды,
и вечность так близка и далека...

Жара песком горячим кожу жжет,
но я нашел свой путь, как с ней бороться,
прохладу я найду на дне колодца,
где сердце память счастья бережет,
и потому оно, наверно, бьется.

Ночью город пахнет нежностью,
недосказанностью слов,
легкой, ласковой небрежностью
несбывющихся снов,
сигаретным дымом, вьющимся
из окошек — черных дыр,
храпом, весело несущимся
из зашторенных квартир...

Город ночью пахнет радостью
чих-то встретившихся рук,
и прощеньем чих-то слабостей,
и предчувствием разлук,
ненавистною бессонницей
в ожидании зари,
и, конечно же, как водится,
жарким запахом любви!

Август

Я утром посмотрел в окно...
Дождем беременные тучи
накрыли город. Дождь научит,
кого любить нам суждено.
Дождь разлиняет лист судьбы,
напишет в клеточках признание,
смыв страхи, словно подсознание
раскрыто миру, как цветы.
Когда прозрачное тепло
коснется губ твоих случайно,
тебе откроются все тайны,
в которых мне не все равно.

Элегия... И звуки фортепьяно,
и дождь, как слезы радости от встречи,
и на столе неплачущие свечи,
как освященье нашего романа.

И пальцы вновь на клавишах беспечны,
и жизнь уже не кажется ненужной,
серебряные трубы ненатурно
нам протрубят предсказанную встречу.

Да, уповая, на всесилье Божье,
мы забываем мелочи и даты,
и что-то обрывается, когда ты
с разбега выбираешь бездорожье.

Есть в расписаньи Бога перерывы,
и мир тогда становится жестоким,
горит любовь, как солнце на востоке,
и манит вид с высокого обрыва...

...и дождь смывает все следы,
а в равновесии случайном
вдруг открываются мне тайны,
и распускаются цветы,
их аромат меня пьянит
и снова возвращает веру,
что на границе передела
не будет дождь опять забыт.

Все наши прошлые грехи,
ошибки, страхи, заблужденья
смывает дождь одним движеньем,
и появляются стихи...

Храню тепло твоей руки
и продолжаю по привычке
не закрывать опять кавычки
и слышать легкие шаги.

До судорог тебя ласкать
и чувствовать, как наши души
в момент, когда заложит уши,
сольются. словно благодать
с небес спускается на землю.
Грешны мы, милая, с тобой,
но ветер и морской прибой
наш грех божественный приемлют.

Храню тепло твоей руки
и увожу в пустом вагоне
твою фигурку на перроне,
дождь, слякоть, лужи, пузырьки...

Блажен, кто верил, лишь услышав,
свят тот, кто видел, говорил...
Велик, кто, пробежав по крыше,
взмыл ввысь, забыв, что нет перил!

Кричит юродивый: «Подайте!»,
а в церкви — чисто и тепло,
но зло командует в азарте,
что все ему разрешено.

Дождь залил все, хотя и лето,
а в синагоге — благодать,
но дьявол раздает билеты
туда, где будут нас сжигать.

И вот в смятении убогом
мечусь на краешке земли...
Как дотянуться мне до Бога,
чтоб душу мне уберегли?

Есть в удалении случайном
знак, предначертанный с небес,
и снова под пологом тайны
резвится искуситель-бес,
и снова поиски знакомых,
и объяснения зачем,
и вот он в списках телефонных,
твой номер. Сразу же затем
все повторяется, так странно,
опять тупые смс,
а в продолжении романном
глумится искуситель-бес!
То двадцать пять звонков в минуту,
то вдруг молчание весь день,
то мысли: «Надо самому-то
крутить всю эту дребедень?»
Но вот момент чрезвычайный,
ты мне ответила: «Да! Да!»
Вдруг номер удалил случайно...
Теперь, надеюсь, навсегда!

Жизнь состоит из «здравствуй» и «прощай»,
и, надевая белые одежды,
мы дарим лучик призрачной надежды
тем, кто почти уже зашел за край.

Смерть состоит из «помню» и «приду»,
и, надевая черные одежды,
мы то, что не успели сделать прежде,
увидим как далекую звезду...

Мы состоим из боли и любви,
и, надевая яркие одежды,
возводим мостик эфемерный между
тем, кто мы есть, и кем бы быть могли...

Мир состоит из легких облаков,
и мы, срывая прочь с себя одежды,
совсем не понимаем, а зачем же
на небо тем, кто вовсе не готов?

Сентябрь

Я утром посмотрел в окно.
Наш город стал немного лучше,
быть может, он тогда научит,
тому, что знает сам давно?

Быть может, бабье лето вновь
подарит жизненное знание
и там, на краешке сознания,
удержит позднюю любовь?

И там, на краешке души,
уставшей от вселенской жуты,
поникшей в бесконечной смуте,
построит счастья этажи?

И там, на краешке Земли,
где день навечно слился с ночью,
Бог не поставит многоточье
на вечном празднике любви?

В холодильнике сохнет текила,
по столу рассыпается соль,
вот и ссора уже подрулила,
даже ей ни к чему алкоголь.

Вот разбиты тарелки и чашки,
что за дурень «на счастье» сказал?
О! Кусочек забытой колбаски
в холодильнике тоже увял.

Так увяли недавние чувства,
с горя рюмочку, что ли, налить?
Кстати, есть еще в банке капуста,
наплевать, можно ей закусить!

Ну а что там заморские лаймы?
Ну а что, разлюбил, так в петлю?
Нет! На самой на полочке дальней
я огурчик еще зацеплю.

Вот такая тоска накатила,
вот такая душевная боль...
В холодильнике сохнет текила,
по столу рассыпается соль.

Мы устали друг от друга
в бесконечной суете
и в хождении по кругу,
приближаясь к пустоте.
Мы забыли про удачи,
мы забыли про печаль.
Из окна соседней дачи
нас не видно. Очень жаль!
Мы расстратили впустую
то, что Бог немногим дал,
пору жизни золотую
каждый как-то растерял.
Половинки не сложились,
там, где сердце — пустота.
Мы легко разъединились
и расстались навсегда.

Только сон приносит радость
возвращения туда,
где нам солнце улыбалось
и любовь была чиста.

Качнется вправо маятник удачи,
качнется влево маятник любви,
пусть время не решает все задачи,
но очень важно вовремя уйти.

Качнется вправо маятник разлуки,
качнется влево маятник любви,
как поздно ты заламываешь руки,
как вовремя мне удалось уйти...

Качнется вправо маятник печали,
качнется влево маятник любви,
как хорошо, что нас не обвенчали,
ты помогла мне вовремя уйти!

Ты сегодня отдала ключи...
От души? От сердца? От квартиры?
В бесконечной и пустой ночи
гаснут звезд холодные сапфиры.

Вновь собака воеет на луну,
ей, собаке, безусловно, легче,
сам повыл бы, только не могу,
разбужу соседей, злых, как черти!

Наврала гадалка по судьбе,
не идти с тобой нам в завтра вместе.
Мне судьба играет на трубе,
а тебе поет, наверно, песни?

На прощанье дай в тебя взглядеться,
напоследок лучше помолчим.
От квартиры, от души, от сердца
ты сегодня отдала ключи?

Как будто не было тех лет,
что мы прожили, сомневаясь.
А нужен ли кому ответ,
старались мы иль не старались?

Как будто не было тех дней,
когда мы весело смеялись.
А одиночества ночей
дождались мы иль не дождались?

Как будто не было минут,
когда дыханье замирало.
А если сыт, одет, обут,
то легче ли намного стало?

Как будто не было тех слез,
что вместе честно мы пролили,
и нет ответа на вопрос:
любили мы иль не любили?..

Я легко отпускаю тебя,
уходи.
Видишь — по небу стаей летят
журавли?
Видишь — ветер уносит обрывки
слов?
Видишь — свет растворяет остатки
снов?
Слышишь — чьи-то шаги
в темноте?
Слышишь — кто-то кричит
в пустоте?
Слышишь — сердце стучит
не в такт?
Слышишь — скрежет ключей,
кто там?
Знаешь, двери открыть,
не закрыть?
Знаешь, легче любить,
чем забыть?
Знаешь, что за стезя
впереди?
.....
Снова жду я тебя.
Приходи.

Чертовски жаль, что не срослось,
не получилось, не сложилось,
лишь прядь состриженных волос
и ощущение, что любилось.

Мечталось, пелось и пилося,
кричалось, грезилось, бесилось,
но обманулось, не сбылось,
не получилось, не сложилось...

Пил тишину осенний листопад,
и на вершине тихого блаженства,
достигнув, как казалось, совершенства,
слова шептал я снова невпопад.

Мне снились вновь пророческие сны,
и я в поту холодном просыпался,
зачем-то мне стократно повторялся
тот мамин вздох: «дожить бы до весны...»

Шла осень в наступление на лень
и разгильдяйство летнего безделья,
шуршащим смехом странного веселья
гнал листопад, накрыв мой судный день.

А я заклеил окна, чтоб зима
не разомкнула холодом объятия,
пусть до весны не сбудутся заклатья
и осень забирает все права,
пусть под ногой, свой замыкая круг,
поет «аминь» листва, слегка охрипнув,
сны посветлеют, боль уйдет, затихнув,
и вдохновенье возвратится вдруг...

И муза, на кровать мою присев,
прошепчет мне уже слова другие,
деревья улыбнутся мне, нагие,
и к песне сам напишется припев!

Октябрь

Я утром посмотрел в окно.
Начало дня,
и не светло, и не темно,
и нет тебя.
Пустые лужи
не отражают из окон свет,
и, если где-то я очень нужен,
тебя там нет.
А осень снова накрыла город,
в сетях дождя,
все те, кто близок, все те, кто дорог,
но нет тебя.
Я закрываю на окнах шторы,
и гаснет свет.
Недавно душу украли воры...
Тебя в ней нет!

Я утром посмотрел в окно:
опять туманны перспективы,
а осень вносит коррективы,
хоть ей, конечно, все равно...

А осень отшлифует вновь
ту грань рифмованного слова,
что думать заставляет снова,
быть может, есть еще любовь?

В прозрачной капельке дождя,
что по стеклу окна стекает,
твой образ множится и тает,
зову тебя и жду тебя!

Я утром посмотрел в окно.
По желтолистью бродит ветер,
и кто-то мне уже ответил
на тот вопрос, что был давно.

И кто-то расчертил стекло
прозрачным плачем листопада,
а Бог мне снова дал в награду
то, что, казалось бы, ушло.

И синь, прозрачную на вкус,
и легкость выдоха и вдоха...
За что же мне награда Бога?
За то, что в осень я вернусь?

Старая квартира,
бывшая жена,
пройдено полмира,
выпито — до дна.
Тщательно, до капли
выжат как лимон,
лоб разбили грабли,
верю только в сон.
Праздничные даты,
поминальный стол,
все мечты распяты
под прощальный звон,
где-то догорает
поздняя свеча,
дров я наломаю
снова, сгоряча.
У прощальной лиры
лопнет вдруг струна...
Пройдено полмира,
прожито — до дна.

В пустой квартире высохла слеза,
повсюду пыль,
на месте, где висели образа,
осталась гниль,
под гулками шагами, в тишине,
хрустит стекло,
все, что мы строили, уже
давно прошло.

В пустой квартире заперты на ключ
мои грехи,
а в зеркалах утоплен луч,
как и стихи,
без отражения они
и без теней,
лишь тишина в ушах звенит,
да скрип дверей.

Дежурные улыбки в пустоту
на фото дня,
я первым из нее уйду
и от тебя...

Осень. У поэтов сносит крышу.
Лавры Мавра не дают покоя.
Снова рвут бумагу, снова пишут,
заменяя Бога при раскрое,

заменяя Бога в сшивке судеб
и в отсрочке собственного дара,
ниточку протягивая к людям,
их уютюжа стихотворным паром.

Кто Самим в макушку поцелован,
тот пирует с музой на Олимпе.
Кто самим собой раскритикован,
с Бахусом опять немного выпил.

Нервы обнаженные в мурашках...
Осень. У поэтов сносит крышу.
Ночью им диктует барабашка,
днем они ночные мысли слышат.

На черном зеркале воды
свет фонаря,
твои нечеткие следы
хранит земля,
цвет листопада золотит
аллеи ствол,
и сердце бережно хранит
любви укол.

Дождь моросит, и нет зонта,
и нет тебя,
то, что просеяло сто сит,
храню, любя,
то, что прошло и что, увы,
едва дыша,
на черном зеркале воды
хранит душа.

Осень. Полнолуние. Кошмар.
Ночь без сна и утро словно вечер,
на ладони четче путь прочерчен,
то — знобит, а то — бросает в жар.

Вспыхнул клен и забросал асфальт
письмами уже ушедших чувств,
ветер — представитель всех искусств,
подвывая, их уносит вдаль.

Воет от тоски дворовый пес,
по утрам туман, как будто пар,
ночью вор мою любовь унес...
Осень. Полнолуние. Кошмар.

Сорвать стоп-кран и спрыгнуть, к черту,
от всех любовей и проблем,
от склок, каких-то странных тем
и от надорванной аорты.

От крика, спрятанного внутрь,
от честных взглядов лживых тварей
и от желанья заботварить
немедленно люблюю дурь!

Пусть поезд мчится в никуда,
и машинист, оскалив зубы,
рычит, как прорванные трубы,
в которых ржавая вода!

Пусть кровь течет из вечных ран...
Души желая обновленья,
взять, психанув, одним движеньем
сорвать стоп-кран, сорвать стоп-кран!

Больше некому писать,
да и смысла, в общем, нету,
нескрипящая кровать —
нехорошая примета,
незакрытое окно,
жар отброшенной подушки,
и забытые давно
слезы очищают душу,
и забытая любовь,
по несбывшимся приметам,
переводит стрелки, вновь
зиме заменяя летом.

Лето, близкое тогда
и далекое сегодня,
дарит мне тебя всегда
и хлопочет, словно сводня,
будто сводня, болтовней
забывает Богу уши,
и забытые давно
слезы очищают душу,
и ушедшая любовь,
и неверие в приметы
говорят: «Себя готовь
к возвращенью в это лето!»

Вот по кругу, день за днем,
я гонюсь, себя спасая,
за тобой, за этим днем,

нет, за тем, где я бросаю
то, что было мне дано,
то, что было самым лучшим
и забытые давно
слезы очищают душу.
Не скрипит давно кровать,
верю я теперь в приметы...
Больше некому писать,
да и смысла, в общем, нету.

Ноябрь

Я утром посмотрел в окно,
опять сумятица,
и только радует одно —
сегодня пятница!

Промокший город весь замерз,
как наваждение,
то дождь идет, то вдруг мороз
и нет спасения
от еле разлепленных век
и от депрессии,
от мыслей: «Кто ты, человек,
в земном процессе?»

В бездушной суете пустых времен
нет отраженья звезд и небосвода,
Бог озабочен, дьявол опьянен
успехами в растлении народа.

День начался ни снегом, ни дождем,
а легкой болью странных сновидений,
в которых мы с ушедшими идем
бок о бок только несколько мгновений.

Забавен иск к исходу бытия,
что поутру мы предъявляем сходу...
Бог озабочен. Дьявол опьянен.
А мы опять во всем виним погоду.

Туманного пота капли
накрыли город.
Быть может, вороны
откаркали?
Быть может, свое мы
отплакали?
Раскрыты шторы.
Портянкой несвежей небо,
а кто стирает?
Быть может, сотрется
небыль?
Быть может, начнется
лето?
Виски разрывает.
Таблетки шипуча гадость,
но надо.
Быть может, нам много
осталось?
Быть может, подаришь мне
радость?
В награду.

Осенняя любовь наполнена туманом,
дождями за окном и грустью по утрам,
последнюю главу последнего романа,
читаю не спеша, читаю по слогам.

Опавшая листва, высокое давление,
запавшие глаза — бессонницы каприз,
к финалу подошло второе отделение
концерта, где я сам — продюсер и артист.

Осенняя любовь, иллюзия надежды,
то нежность до краев, то сладкая тоска,
застывшая душа, без сброшенной одежды,
ждет мел своей судьбы, как школьная доска.

Вдруг стертые слова становятся родными,
а запахи дождя напомнят океан,
и сложатся года в твое простое имя...
Осенняя любовь, все за тебя отдам!

Кипенье твердь от скверны не очистит,
не смоет дождь пороки и грехи.
Под пылью лет покоятся стихи,
и не тревожат спозаранку мысли.

По полю гладковыбритой щеки
уже слезе умильной не скатиться,
и сердце стало чуть пореже биться,
друзья вдруг оказались далеки.

Увы, молчанье денег не дает,
и на высокой ноте безразличья
становимся мы чуточку циничней,
да и душа не просится в полет.

Усталость дум заполнила глаза,
и солнце раздражает без прищуря,
не ранит сердце ни стрела Амура,
ни нежная и тонкая лоза...

Пусть три копейки этому цена,
но я опять беру пример с Сизифа,
да, жизнь, конечно, разрушение мифа,
но пусть упрямство станет, как стена.

Стена закроет призрачным дождем
и смоет пыль злословья и наветов,
взойдет звезда мечтателей, поэтов,
и мы тогда на свет звезды пойдем!

Кто последним покинет корабль —
капитан?
Или тот, кто его, обманув экипаж,
захватил?
По горячим от пролитой крови
волнам,
в глубину неизведанных тайн
наш корабль уходил.
Кто загнал нас на рифы и днище его
прохудил?
Пьяный лоцман, который был списан
давно?
Белой пеной прибой зашипел, закрутил,
затащил
всех, кто был на борту, на заросшее,
темное дно.
И смешались понятия, люди и крики
«за что?!»
Только берег безмолвно смотрел на агонию
тел,
и песком затянуло, замыло, закрыло, и тех
занесло,
кто и прав, и неправ был, хотел кто и кто
не хотел.

Снег и зима, и все сначала,
и снова тянется рука
чуть-чуть налить, отрезать сала
и песню спеть «как жизнь легка!»

Снежинки, весело болтая,
летят на свет от фонарей,
кружат, и в их круженьи тает
свинцовый свет ноябрьских дней.

Ноябрь очищен снегопадом,
и по законам бытия
прощаю эту осень гадам,
что так измучили меня.

Ноябрь намылил белой пеной
лицо израненной земли,
душа открылась переменам,
как только начал снег кружить,
и, по приметам добрых тетей,
вы, надкусив слегка снежок,
лет сто примерно не умрете,
так, может быть, тогда зажжем?

Декабрь

Я утром посмотрел в окно.
Банально,
пустое жизни полотно,
так тривиально...
Убогий городской пейзаж,
и снегом
чуть припорошен антураж
побега
и от друзей, и от врагов,
о Боже,
от умных и от дураков,
конечно, тоже.
Пересекает грань полет
желаний,
но режет вены тонкий лед
страданий,
воспоминаний, как вчера,
недавно,
в окне еще была жара,
и рано
я просыпался и смотрел
на лучик,
который все уже успел,
лазутчик,
и твой нечеткий силуэт,
и тени,
и разрушитель всех побед —
сомненье...

Год на исходе.
Время жжет экран,
нет смс, и семь дрожащих цифр,
как позабытый и ненужный шифр,
как надоевший и смешной обман.

Путь ожидания тяжек и тернист,
терпенье тает снегом на губах,
мысль о потерях вызывает страх,
и я опять смотрю на чистый лист.

Настало время подвести итог,
свести баланс плохих и добрых дел...
Кроит тихонько Дьявол передел,
и задремал уставший, добрый Бог....

Снег — приглашение зимы
с ней разделить восторг метели,
когда заснеженные ели,
став центром этой кутерьмы,
напомнят песенку из детства.

Мне утром тяжело распеться,
когда на сердце снова тяжесть
от то ли — лет, а то ли — бед,
и пригласительный билет
на елку мне уже не в радость.

Но к новогоднему подарку,
как все, тянусь я спозаранку...

И утром снег еще не старый,
и после завтрака тепло,
и даже папино пальто
с моим костюмом ищет пару!

Я елям зимним улыбаюсь
и в снегопаде растворяюсь...

Кто поднимался над обычной смутой,
купался в серебристых облаках,
тот не боится слабости минутной,
тем более — «остаться в дураках».

Кто презирал границы и барьеры,
лакал вздох из Млечного Пути,
тот сохранит всегда частичку веры
и не захочет «вовремя уйти».

Кто не боялся силы и наветов,
плевал на то, что говорят враги,
тому открыты главные секреты,
тому не надо «вовремя уйти».

Кто, не волнуясь, называл три карты
и сердце нес на поднятых руках,
жизнь у того наполнена азартом,
пусть даже он «остался в дураках»!

Кто разбросал окурки по асфальту,
кто беспробудно трезв и спит тревожно,
кто день за днем выкручивает сальто,
кто сладко спит в канаве придорожной,
кто рассчитал полет на Марс ракеты,
кто рассчитался лишь вчера с долгами,
кто не читает свежие газеты,
кто зачитался напроць, с потрохами,
кто красит ногти в цвет арбузной корки,
кто бреет ежеутренне подмышки,
кто шутит своевременно и тонко,
кто прошуршал серее серой мышки,
кто муху убивал одним ударом,
кто закрывал в атаке пулемет...

Кто даром прожил жизнь, а кто недаром?
Кто разберет, оценит и поймет...

Кто шел подследственным по делу,
того судьба судила строго,
душа легко прощалась с телом,
пускаясь в дальнюю дорогу.
И каялась в грехах немного.

Кто шел свидетелем по делу,
тому судьба глаза открыла
на то, что рассказать хотел он,
о том, что, безусловно, было.
Когда его она спросила.

А что сказать о потерпевшем?
Его судьба Судьбою стала,
святым путь указала, грешным,
вмиг оттолкнувшись от причала.
Отсчету положив начало...

По облакам, как по парному молоку,
скользит душа,
пью осторожно, по глотку,
едва дыша,
и ожидаю не спеша,
заветной встречи,
которую, наверное, жду вечность.

На облаках нет ни дорог,
ни фонарей,
есть только знание, кто дорог,
и скорей
в проемы незакрывшихся дверей
вхожу с желаньем встречи,
которую, наверное, жду вечность.

Он научил меня бродить по облакам,
там нет конвоя,
и волю не давать слезам,
побеспокою
его я глупостью, седую головою,
и тем, что не готовлюсь к встрече,
которую, наверное, жду вечность...

Как сложно просыпаться без тебя,
как трудно засыпать в пустой постели,
когда опять за окнами метели
сменили паутину из дождя.

Когда так ломит целый день виски,
когда с утра ждешь с нетерпением вечер,
чтоб в темноте зажечь тихонько свечи,
смотреть на пламя с отблеском тоски...

Как трудно засыпать в пустой постели,
как сложно просыпаться без тебя,
когда на тусклом небе декабря
все ангелы куда-то улетели...

Рассвет пока не тронул занавески,
еще легка седая голова,
цветные сны опять смотрю по-детски,
в них я, еще одетый по-простецки,
не думая, могу сказать слова.

И сны играют с нами злые шутки,
я помню, слава Богу, но живу,
а память гонит прошлого попутки,
то, возвращая сладкие минутки,
то я во сне, как будто наяву...

А в предрассветном ожиданьи чуда,
когда душа чиста, ну, как слеза,
не склеится разбитая посуда,
дорога в никуда из ниоткуда
закончилась...
И я открыл глаза.

Содержание

Предисловие.....	5
ЯНВАРЬ.....	9
«Я утром посмотрел в окно...».....	10
«Зимний сон, снежный сон...».....	11
«Собаки лаяли всю ночь...».....	12
«В день одиночества шел снег...».....	13
«Последний герой...».....	14
«Я, посетитель кладбищ и чистилищ...».....	15
«Мой привет получите бутылочной почтой...».....	16
ФЕВРАЛЬ.....	17
«Я утром посмотрел в окно...».....	18
«В смешном изгибе линии судьбы...».....	19
«Все думаем, что вечны, и поэтому...».....	20
«Когда еще все были живы...».....	21
«Из ниоткуда в никуда...».....	22
«Каждый сам найдёт свою Голгофу...».....	23
«Выжимаю по капле раба...».....	24

МАРТ	25
«Я утром посмотрел в окно...»	26
«В больнице ночь — без мыслей и без сна...»	27
«Безночные сны, как бессонные ночи...»	28
«Ходили тени под окнами...»	29
«Контурсы окна видны нечетко...»	30
«Я скользил по паркету зеркальному...»	31
«Бессонница выкручивает ноги»	32
«И даже на больничной койке...»	33
«С чистого листа начну я завтра...»	34
АПРЕЛЬ	35
«Я утром посмотрел в окно...»	36
«Весна беременна стихами...»	37
«Ищу тоски похмельные объятья...»	38
«Лоза, слегка коснувшись солнца...»	39
«Весна, бессонница, копанье...»	40
«Я ехал по дороге детства...»	41
«А вам знакомы отупение...»	42
МАЙ	43
«Я утром посмотрел в окно...»	44
«Я вновь сжимаю пустоту...»	45
«Чашка чаю, чашка чаю...»	46
«Я берега судьбы твоей...»	47
«Кисть, холст поцеловав, уходит прочь...»	48

«По белому полю красные кони...»	49
«Дождь, и опять вода — спасенье...»	50
«Как вкусно пахнет дождь...»	52
ИЮНЬ	53
«Я утром посмотрел в окно...»	54
«Мне не дышится, не спится...»	55
«Море растворит тоску-печаль...»	56
«След на песке — остаток отраженья...»	57
«Мы вдвоем на планете Любви...»	58
«Я, конечно, странный и плохой...»	59
«Пустая вязь знакомых слов...»	60
ИЮЛЬ	61
«Я утром посмотрел в окно...»	62
«Поющие фонтаны в Барселоне...»	63
«Париж увидеть, умереть...»	64
«Твоя кожа пахнет нежностью...»	65
«Луна была, как дура, полной...»	66
«Над временем и над пространством...»	68
«Лето. Жарко, скучно и тоскливо...»	69
«Жара ломает кости и рассудок...»	70
«Ночью город пахнет нежностью...»	71
АВГУСТ	73
«Я утром посмотрел в окно...»	74

«Элегия... И звуки фортепьяно...»	75
«...и дождь смывает все следы...»	76
«Храню тепло твоей руки...»	77
«Блажен, кто верил, лишь услышав...»	78
«Есть в удалении случайном...»	79
«Жизнь состоит из «здравствуй» и «прощай»...»	80
СЕНТЯБРЬ	81
«Я утром посмотрел в окно...»	82
«В холодильнике сохнет текила...»	83
«Мы устали друг от друга...»	84
«Качнется вправо маятник удачи...»	85
«Ты сегодня отдала ключи...»	86
«Как будто не было тех лет...»	87
«Я легко отпускаю тебя...»	88
«Чертовски жаль, что не срослось...»	89
«Пил тишину осенний листопад...»	90
ОКТАБРЬ	91
«Я утром посмотрел в окно...»	92
«Я утром посмотрел в окно...»	93
«Я утром посмотрел в окно...»	94
«Старая квартира...»	95
«В пустой квартире высохла слеза...»	96
«Осень. У поэтов сносит крышу...»	97

«На черном зеркале воды...»	98
«Осень. Полнолуние. Кошмар...»	99
«Сорвать стоп-кран и спрыгнуть, к черту...»	100
«Больше некому писать...»	101
НОЯБРЬ	103
«Я утром посмотрел в окно...»	104
«В бездушной суете пустых времен...»	105
«Туманного пота капли...»	106
«Осенняя любовь наполнена туманом...»	107
«Кипенье твердь от скверны не очистит...»	108
«Кто последним покинет корабль...»	109
«Снег и зима, и все сначала...»	110
ДЕКАБРЬ	111
«Я утром посмотрел в окно...»	112
«Год на исходе...»	113
«Снег — приглашение зимы...»	114
«Кто поднимался над обычной смутой...»	115
«Кто разбросал окурки по асфальту...»	116
«Кто шел подследственным по делу...»	117
«По облакам, как по парному молоку...»	118
«Как сложно просыпаться без тебя...»	119
«Рассвет пока не тронул занавески...»	120

16+

Дмитрий БИРМАН
ЕЖЕДНЕВНИК

Ответственный редактор *Евгений Ширшов*
Компьютерная верстка *Светлана Сорувка*
Корректор *Лев Зелексон*
Ответственная за выпуск *Бэла Рубинштейн*

Подписано в печать 13.08.2013.
Формат 60 x 84/16. Гарнитура Adonis. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Физ. печ. л. 8.
Тираж 1020 экз. Заказ № 1101

ООО «Издательство ДЕКОМ»,
603155 Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, 28/7,
тел. (831) 4-111-181, тел./факс (831) 4-111-791
e-mail: izdat@dekom.nnov.ru www.dekom-nn.ru

Отпечатано в типографии ДЕКОМ.
603155, Нижний Новгород
ул. Большая Печерская, 26 офис 4176.